

УЧИТЕЛЬСКАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
И ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ПРОФСОЮЗА
РАБОТНИКОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ, ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
И НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СССР

Год издания 39-й
№ 8 (5061)

Четверг, 17 января 1963 г.

Цена 3 коп.

1363

КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ СТАНИСЛАВСКИЙ НАШ СОВРЕМЕННИК

1963

Репортаж из ГДР ШКОЛА ЖИВЕТ СЪЕЗДОМ

НЕОБЫЧНО и празднично выглядят в эти дни Берлин.

Особую торжественность нашей столице придает то, что здесь собрались лучшие люди новой Германии. Среди них — прославленные рабочие, крестьяне, инженеры, ученые. Своих представителей на съезд послали и немецкие учителя. Это лучшие из лучших, такие, например, как Аннелиза Ульрих, учительница 3-й школы г. Росток.

Надо сказать, что к VI съезду СЕПГ школа республики пришла, как говорится, во всеоружии. Как только был опубликован проект программы Социалистической единой партии Германии, ее начали оживленно обсуждать во всех учебных заведениях. И не только обсуждать. Учителя ГДР посетили своим делом сразу же приступить к претворению в жизнь предложений, содержащихся в программе. Это, в частности, нашло выражение в том, что учителя обязуются сделать преподавание более эффективным, особенно таких предметов, как математика, предметы естествоведческого цикла, русский язык.

8-я школа Берлина-Вейсенее организовала специальную

группу из лучших учителей, которая поставила своей целью выработать мероприятия по улучшению школьного обучения. В эту группу вошли также члены родительских советов.

В 19-й школе в Берлине-Копеник между классами развернулось соревнование, в котором приняли участие также и бригады шефствующих предприятий.

Если бы вы сегодня заглянули в наши школы, вы всюду бы увидели стеленные газеты в честь VI съезда, работливо сделанные руками учеников и учителей, детские рисунки, отображающие то новое, что произошло в жизни республики за последние годы.

Большим событием в жизни всех берлинских школ, всех берлинских преподавателей была встреча в столице ГДР Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева. С флагами, портретами вышли жители столицы, несмотря на холодную погоду, на улицы Берлина, по которым пролегал путь высокого гостя.

Дитер БРЮНИНГ.
Редакция «Дейче
лерерцейтунг».

г. Берлин. (По телефону).

В 1927 году я был приглашен в труппу Московского Художественного театра. Меня это радостно взволновало и... испугало. Я слышал, какие строгие требования предъявлял к актерам своего театра Станиславский и тем более к тем немногим, которые приглашались со стороны. Я знал не только о тщательном творческом отборе поступающих во МХАТ, но и о тщательной проверке всех их человеческих качеств: характера, поведения в быту, в коллективе, дома...

Сам Станиславский, вспоминая знаменитое заседание в «Славянском базаре», когда он с Немировичем-Данченко просидел 18 часов без перерыва, разрабатывая план создания нового театра, рассказывает, как они обсуждали будущий состав труппы.

— Вот вам актер А. Считаете вы его талантливым?

— В высокой степени.

— Возьмете вы его к себе в труппу?

— Нет.

— Почему?

— Он приспособил себя к

карьеру, свой талант — к требо-

ваниям публики, свой харак-

тер — к капризам антрепрене-

ра и всего себя — к теат-

ральной дешевке. Тот, кто от-

равлен таким ядом, не может

исцелиться...

— А что вы скажете про

актрису Б?

— Хорошая актриса, но не

для нашего дела.

— Почему?

— Она не любит искусства,

а только себя в искусстве.

— А актер Г?

— На этого советую обра-

тить ваше внимание.

— Почему?

— У него есть идеалы, за

которые он борется: он не

мирится с существующим. Это

человек идеи.

— Я того же мнения и по-

тому, с вашего позволения, за-

ношу его в список кандида-

тов...

Не удивительно, с какой тре-

вого и страхом я ожидал

своего первого свидания с

Константином Сергеевичем.

О том, что меня собирают-ся пригласить в художе-ственный театр, я слышал еще задолго до этого свидания. Знал, что Станиславский уже давно изучал «мой вопрос» со всех сторон — наводил справки в разных местах, у разных лиц обо всем, что касалось меня не только как актера, но и как человека.

И вот, весной 1927 года, я, по приглашению Константина Сергеевича, явился к нему в особняк в Леонтьевском переулке и сел в приемной.

Какой он человек? О чем будет со мной говорить?

Все эти вопросы и ожидания томили меня и нагнетали все большее волнение. Наконец, пригласили в соседнюю комнату. Я вошел в просторный кабинет.

Навстречу двинулась величественная фигура Станиславского: высокий рост, крупные черты лица, открытый лоб, красивые седые волосы, пронизывающий взгляд из-под темных бровей... На нем элегантно-черный костюм, угол белой крахмальной сорочки и артистически повязанный галстук-бабочка подчеркивают его горделиво поставленную голову. «Красавец человек», — мелькнуло в голове выражение Горького.

Приветливо поздоровавшись, Константин Сергеевич, как радушный хозяин, усадил меня за стол, уставленный всевозможными сластями.

Понемногу я овладел собой и несколько успокоился.

ВЕЛИЧАЙШЕЙ осторожностью, как коллекционер, приобретающий новый экспонат, Константин Сергеевич стал меня разглядывать

и «прощупывать». Уютно устроившись за столом, предвительно сделав все для того, чтобы я почувствовал себя как дома, он повел беседу о театральных делах. Внимательно, пылливо выслушивал он меня, задавая вопросы: то о каком-нибудь спектакле, ак-

терском исполнении, о пьесе, о любимой или нелюбимой роли, о том, что бы я хотел играть в Художественном театре. Словом, целый ряд самых разнообразных вопросов, на которые он добивался от меня исчерпывающих ответов, попутно разъясняя смысл того

или иного театрального явления. Больше всего меня поразила тогда пристальная заинтересованность Константина Сергеевича всеми моими высказываниями о театре. Я ясно ощущал, с какой тщательностью он взвешивал мои ответы, стараясь разгадать, что я за человек.

На другой день я впервые оказался в кулуарах Художественного театра в репетиционное время. Тихо ступал по мягким коврам коридора, который окаймлял зрительный зал. По другую сторону его помещалось фойе, на стенах портреты артистов — основателей театра, знаменитых деятелей сцены, драматургов, композиторов. На дверях всех репетиционных помещений, где шла напряженная работа, — предупредительные таблички «Тише, идет репетиция». Вход туда незанятым строжайше запрещен.

За кулисами, где помещались актерские уборные, такой же образцовый порядок: небольшое, всегда прибранное актерское фойе с удобными мягкими креслами, пол, как и во всех почти помещениях, затянут серым сукном и застлан дорожками ковров. Уборные — уютные небольшие комнаты с хорошо оборудованным гримировальным столом и кушеткой для отдыха.

Такого продуманного устройства рабочего места актера и места его отдыха в те времена ни в одном театре не существовало. Все здесь было направлено на создание наилучшей творческой атмосферы. Как-то не верилось, что я буду работать в таком образцовом театре.

ИЗ ВСЕГО увиденного в Художественном театре становилось ясно, как последовательно проводился в

жизнь тот пункт, о котором создатели театра договорились еще в «Славянском базаре»: «...актер главное лицо в театре, и для него прежде всего необходимо создать человеческие условия и наиболее удобство для творчества. Ведь в театре, в том месте, где он работает, актер проводит большую часть своей жизни...».

Но создавая исключительные условия для работы актера, Станиславский предъявлял к нему особые повышенные требования. Нарушение дисциплины, творческой этики, безответственное отношение к работе нигде так сурово не преследовались, как в Художественном театре.

Панически боясь тех, кто может внести дух разложения в творческую атмосферу театра, Константин Сергеевич всеми силами старался избавиться от них, предпочитая даже в некоторых случаях расставаться с талантами.

Если Константин Сергеевич был нетерпим к отдельным актерским порокам, то выращенный и воспитанный им творческий ансамбль в целом был ему дорог от мала до велика. «Нужно дорожить каждым актером, какое бы скромное положение он ни занимал, — говорил Станиславский. — Он выращен в стенах театра, он пропитан его духом».

Созданная Константином Сергеевичем творческая атмосфера в театре, весь характер и режим работы, взаимоотношения между людьми сделали Художественный театр достопримечательностью всего театрального мира. Вступление в прославленный мхатовский коллектив нового актера было всегда событием и являлось для поступающего не только переходом из одного театра в другой, но вступлением в новую жизнь.

ВСЕ это было создано могучим гением Станиславского, у которого талант артиста соединялся с трудом, упорством и волей воспитателя.

В. ТОПОРКОВ,
профессор, народный
артист СССР.

ИСКАТЬ НОВОЕ

У ВСЕХ НАС, учеников Константина Сергеевича Станиславского, одно желание, — чтобы советский театр был самым передовым театром мира. В последние годы говорят о неостатках нашей драматургии, о том, что она еще не удовлетворяет полностью возросших требований, не отражает все многообразие советской действительности, героики строителей коммунизма. Драматурги в долгу перед театром, зрителем. Но вина в этом не одних драматургов, а и нас — театральных деятелей. История любого театрального коллектива, как правило, связана с именем того или иного писателя. Вспомните хотя бы, что у Малого театра был Островский, у Художественного — Чехов и Горький. Нам самим следует расти и воспитывать будущих драматургов, работать с ними так, как умел это делать Константин Сергеевич.

Работать «по Станиславскому» — значит постоянно двигаться вперед, искать новое в раскрытии психологии человека, его темперамента, взглядов на жизнь.

М. ЯШИН,
народный артист СССР.

Великий мятеежник

В ЭТОМ удивительно меткой и лаконичной характеристике Горького весь Станиславский, этот «итальянский человечек», с пылающим сердцем, «огнем коего нельзя было не любоваться», этот «красавец-человек», так много сделавший для счастья нашего народа, для роста его духовной красоты и силы.

К. С. Станиславский — великий реформатор театра, непревзойденный режиссер, замечательный артист, тонкий художник — исследователь и экспериментатор, мыслитель и общественный деятель. Он — один из основателей Московского Художественного театра, снискавшего мировую славу и ставшего гордостью нашей отечественной культуры.

Но не только этим известен и славен Константин Сергеевич. Он и выдающийся педагог, воспитатель. Горький подчеркивал в свое время, что благодарность народа и страны Станиславский заслуживает прежде всего за свою «труднейшую работу педагога и воспитателя». «Какой вы чуткий и великий мастер в деле открытия талантов, — писал Алексей Максимович. — какой искусней-

учеников. Людей без прекрасного, по словам Константина Сергеевича, нет, его надо только ощутить и понять. Надо уметь находить и улавливать в человеке хорошее, светлое, положительное, новое, то есть находить в нем какую-то ценность. Чем духовно богаче, чище и талантливей человек, тем больше прекрасного и положительного находит он в других. Чем ниже чувства и мысли человека, тем больше он видит вокруг себя плохого, потому что до хорошего надо подыматься, а плохое — вниз, его увидеть и достать можно без всяких усилий.

В глубине души человек всегда тянется к светлоте и хорошему, но не всегда ему удается этого достичь из-за встречающихся на пути помех и преград. Человек стремится к хорошему потому, что оно приносит ему удовлетворение и радость. Жизнь человека, умеющего найти в другом прекрасное, всегда будет более содержательной, богатой и яркой. Вот почему Малого

держаться и крепнуть только на основе личной взаимной любви и симпатии всех членов, так как чувство симпатии неустойчиво и изменчиво. Чтобы спаять людей, нужны более ясные и прочные основы: высокие идеи, самоотверженный труд, общественность и политика.

Спаянный, молодой, энергичный, жизнеспособный, хорошо организованный коллектив принесет общему делу большую пользу. Неверно накрутить себя плохого, потому что до хорошего надо подыматься, а плохое — вниз, его увидеть и достать можно без всяких усилий.

надо самые светлые и чистые мысли и чувства, отдавать ему самое дорогое и заветное, оставляя за его порогом все, что, подобно ржавчине, разъедает коллектив: эгоизм, недоброжелательность, лицемерие, месть, ложь, зависть, самовлюбленность, истеричность. Всякая злонамеренная ошибка, всякое недоброе слово и сплетня, пущенные в коллектив, отравляют всех, в том числе и того, кто пустил эту отраву. Всякую обиду мелкою самолюбия, завистью, недоброжелательством надо мужественно уметь побороть в себе самом, а не выбрасывать из себя в коллектив.

Константин Сергеевич ратовал за внутреннюю, сознательную дисциплину, возникающую из уважения к своему делу, за дисциплину строгую, твердую, железную. Он выступал против внешней, формальной дисциплины, против «образцового» порядка, которых добиваются суровыми взысканиями, приказаниями, постановлениями. Создать настоящую дисциплину и учре-

дительность, против всякой лжи, фальши, дилетантизма, хитрости, ремесленничества, равнодушия, против пошлости, косности, рутинности и штампа.

В основе искусства, говорит Константин Сергеевич, лежит труд. Умение трудиться, работать — это ведь тоже талант, и громадный талант! — восклицает он. Искусство требует знаний, овладения техникой.

Он воспитывал ответственное, серьезное, трепетное отношение к искусству. Учил быть предельно требовательным к себе. Учил любить искусство в себе, а не себя в искусстве. Как верно и метко сказано! Какая глубокая мысль!

Он предъявлял строгие требования не только к артистам, режиссерам, художникам, композиторам, но и ко всем работникам театра. Кто не помнит крылатой фразы: «Театр начинается с вешалки!» Он требовал культуры поведения и зрелища, образцового поведения, организованности в

привык, беззаботно относиться к овладению культурой речи. Надо уметь правильно произносить звуки, слова, фразы. Все это должно войти в привычку. Речь должна становиться орудием действия. Нельзя произносить слова формально, механически, надо научиться действовать словом. «Слово и речь... должны действовать, то есть заставлять другого понимать, видеть и мыслить так же, как и говорящий». Надо овладеть законами речи. Станиславский раскрывает эти законы, говорит о недостатках речи, о путях и средствах борьбы за подлинно культурную речь.

В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ К. С. Станиславского значительное место занимают общие принципы и методы воспитания, требования, предъявляемые к воспитателю. Подлинным воспитателем, по его утверждению, может стать только тот, кто пользуется у воспитанников непререкаемым авторитетом, кто осознает высокую от-

решенным, общаясь с ними, кто воспитательной работой наполняет все содержание своей жизни и не видит другого пути в ней. Когда мы поручаем кому-либо воспитание учеников, мы должны интересоваться не только его способностями, талантом, но и пристально всматриваться в его душу, в его внутренний мир, интересоваться его моральным обликом.

Наследие К. С. Станиславского дорого всем, кто хочет воспитывать человека — как творца и создателя большой, радостной, счастливой и мудрой жизни.

ПРАВА БЫЛА З. С. СОКОЛОВА, сестра Константина Сергеевича, написавшая ему в день серебряной свадьбы прекрасные слова:

«Нежна весна ваша была, красиво лето, но и осень бывает не менее красива... Только бы солнце не скрылось для осени вашей! Станислав вы, что выполните лучшее назначение человека на земле — внесите красоту в жизнь, и не только в круг близких вам людей, но и в духовную жизнь России и отчасти за пределы ее... Много вам было дано, и не зарыли вы данное вам в мелочи жизни, не втиснули в

ШКОЛА ЖИВЕТ СЪЕЗДОМ

НЕОБЫЧНО и празднично выглядит в эти дни Берлин.

Особую торжественность нашей столице придает то, что здесь собрались лучшие люди новой Германии. Среди них — прославленные рабочие, крестьяне, инженеры, ученые. Своих представителей на съезд послали и немецкие учителя. Это лучшие из лучших, искуснейшие из искусных, такие, например, как Аннелиза Ульрих, учительница 3-й школы г. Ростока.

Надо сказать, что к VI съезду СЕПГ школа республики пришла, как говорится, во всеоружии. Как только был опубликован проект программы Социалистической единой партии Германии, ее начали оживленно обсуждать во всех учебных заведениях. И не только обсуждать. Учителя ГДР посчитали своим долгом сразу же приступить к претворению в жизнь предложений, содержащихся в проекте программы. Это, в частности, нашло выражение в том, что учителя обязуются сделать преподавание более эффективным, особенно таких предметов, как математика, предметы естествоведческого цикла, русский язык.

8-я школа Берлина-Вейсенее организовала специальную

группу из лучших учителей, которая поставила своей целью выработать мероприятия по улучшению школьного обучения. В эту группу вошли также члены родительских советов.

В 19-й школе в Берлине-Копеник между классами развернулось соревнование, в котором приняли участие также и бригады шефствующих предприятий.

ЕСЛИ БЫ вы сегодня заглянули в наши школы, вы всюду бы увидели стенные газеты в честь VI съезда, забодливо сделанные руками учеников и учителей, детские рисунки, отображающие то новое, что произошло в жизни республики за последние годы.

Большим событием в жизни всех берлинских школ, всех берлинских преподавателей была встреча в столице ГДР Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева. С флагами, портретами вышли жители столицы, несмотря на холодную погоду, на улицы Берлина, по которым пролегал путь высокого гостя.

Дитер ВРЮНИНГ.
Редакция «Дейче лерерцейтунг».

г. Берлин. (По телефону).

В 1927 году я был приглашен в труппу Московского Художественного театра. Меня это радостно взволновало и... испугало. Я слышал, какие строгие требования предъявлял к актерам своего театра Станиславский и тем более к тем немногим, которые приглашались со стороны. Я знал не только о тщательном творческом отборе поступающих во МХАТ, но и тщательной проверке всех их человеческих качеств: характера, поведения в быту, в коллективе, дома...

Сам Станиславский, вспоминая знаменитое заседание в «Славянском базаре», когда он с Немировичем-Данченко просидел 18 часов без перерыва, разрабатывая план создания нового театра, рассказывает, как они обсуждали будущий состав труппы.

— Вот вам актер А. Считаете вы его талантливым?

— В высокой степени.

— Возьмете вы его к себе в труппу?

— Нет.

— Почему?

— Он приспособил себя к карьере, свой талант — к требованиям публики, свой характер — к капризам антрепренера и всего себя — к театральной дешевке. Тот, кто отравлен таким ядом, не может исцелиться...

— А что вы скажете про актрису Б.?

— Хорошая актриса, но не для нашего дела.

— Почему?

— Она не любит искусства, а только себя в искусстве.

— А актер Г.?

— На этого советуем обратиться ваше внимание.

— Почему?

— У него есть идеалы, за которые он борется: он не мирится с существующим. Это человек идеи.

— Я того же мнения и поэтому, с вашего позволения, занесу его в список кандидатов...

Не удивительно, с какой тре-

НАШ СОВРЕМЕННОК

вогой и страхом я ожидал своего первого свидания с Константином Сергеевичем.

ОТ ТОМ, что меня собираются пригласить в Художественный театр, я слышал еще задолго до этого свидания. Знал, что Станиславский уже давно изучал «мой вопрос» со всех сторон — наводил справки в разных местах, у разных лиц обо всем, что касалось меня не только как актера, но и как человека.

И вот, весной 1927 года, я, по приглашению Константина Сергеевича, явился к нему в особняк в Леонтьевском переулке и сижу в приемной.

Какой он человек? О чем будет со мной говорить?

Все эти вопросы и ожидания томили меня и нагнетали все большее волнение. Наконец, пригласили в соседнюю комнату. Я вошел в просторный кабинет.

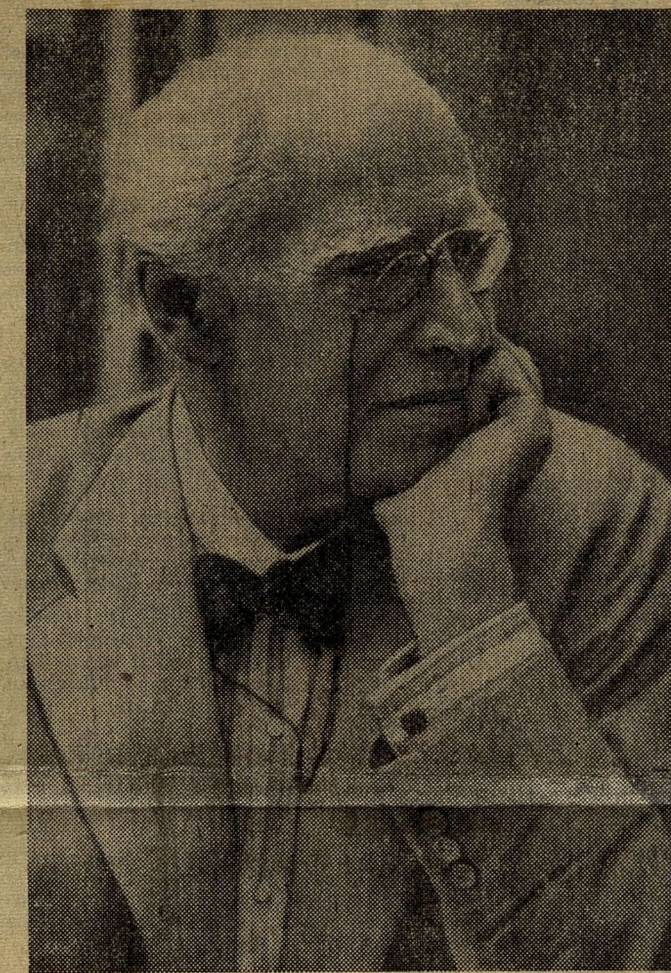
Навстречу двинулась величественная фигура Станиславского: высокий рост, крупные черты лица, открытый лоб, красивые седые волосы, пронзающий взгляд из-под темных бровей... На нем элегантный черный костюм, угол белой крахмальной сорочки и артистически повязанный галстук-бабочка подчеркивают его горделиво поставленную голову. «Красавец человек», — мелькнуло в голове выражение Горького.

Приветливо поздоровавшись, Константин Сергеевич, как радужный хозяин, усадил меня за стол, уставленный всевозможными сластями.

Понемногу я овладел собой и несколько успокоился.

С ВЕЛИЧАЙШЕЙ осторожностью, как коллекционер, приобретающий новый экспонат, Константин Сергеевич стал меня разглядывать

и «прощупывать». Уютно устроившись за столом, предвзвешивая все для того, чтобы я почувствовал себя как дома, он повел беседу о театральных делах. Внимательно, пытаясь выслушивать от меня, задавая вопросы: то о каком-нибудь спектакле, ак-

терском исполнении, о песне, о любимой или нелюбимой роли, о том, что бы я хотел играть в Художественном театре. Словом, целый ряд самых разнообразных вопросов, на которые он добивался от меня исчерпывающих ответов, попутно разъясняя смысл того

или иного театрального явления. Больше всего меня поразила тогда пристальная заинтересованность Константина Сергеевича всеми моими высказываниями о театре. Я ясно ощущал, с какой тщательностью он взвешивал мои ответы, стараясь разгадать, что я за человек.

На другой день я впервые оказался в кулуарах Художественного театра в репетиционное время. Тихо ступал по мягким коврам коридора, который окаймлял зрительный зал. По другой сторону его помещалось фойе, на стенах портреты артистов — основателей театра, знаменитых деятелей сцены, драматургов, композиторов. На дверях всех репетиционных помещений, где шла напряженная работа, — предупредительные таблички «Тише, идет репетиция». Вход туда для незваных строгойше запрещен.

За кулисами, где помещались актерские уборные, такой же образцовый порядок: небольшое, всегда прибранное актерское фойе с удобными мягкими креслами, пол, как и во всех почти помещениях, затянут серым сукном и застлан дорожками ковров. Уборные — уютные небольшие комнаты с хорошо оборудованным гримовальным столом и кушеткой для отдыха.

Такого продуманного устройства рабочего места актера и места его отдыха в те времена ни в одном театре не существовало. Все здесь было направлено на создание наилучшей творческой атмосферы. Как-то не верилось, что я буду работать в таком образцовом театре.

Из ВСЕГО увиденного в Художественном театре становилось ясно, как последовательно проводился в

реальном, общаясь с ними, кто воспитательной работой наполняет все содержание своей жизни и не видит другого пути к ней. Когда мы поручаем кому-либо воспитание учеников, мы должны интересоваться не только его способностями, талантом, но и пристально всматриваться в его душу, в его внутренний мир, интересоваться его моральным обликом.

Наследие К. С. Станиславского дорого всем, кто хочет воспитывать человека как творца и создателя большой, радостной, счастливой и мудрой жизни.

ПРАВА БЫЛА Э. С. СОКОЛОВА, сестра Константина Сергеевича, написавшая ему в день серебряной свадьбы прекрасные слова:

«Нежна весна ваша была, красиво лето, но и осень бывает не менее красива... Только бы солнце не скрылось для осени вашей! Счастливы вы, что выполняете лучшее назначение человека на земле — вносите красоту в жизнь, и не только в круг близких вам людей, но и в духовную жизнь России и отчасти за пределы ее... Много вам было дано, и не зарыли вы данное вам в мелочи жизни, не втиснули в узкие рамки обыденщины».

А. КОРОВОВ,
доцент.

жизнь тот пункт, о котором создатели театра договорились еще в «Славянском базаре»: «...актер главное лицо в театре, и для него прежде всего необходимо создать чело-

веческие условия и наиболее удобств для творчества. Ведь он работает, актер проводит большую часть своей жизни...».

Но создавая исключительные условия для работы актера, Станиславский предъявлял к нему особые повышенные требования. Нарушение дисциплины, творческой этики, безответственное отношение к работе нигде так сурово не преследовались, как в Художественном театре.

Панически боясь тех, кто может внести дух разложения в творческую атмосферу театра, Константин Сергеевич всеми силами старался избавиться от них, предпочитая даже в некоторых случаях расставаться с талантами.

Если Константин Сергеевич был нетерпим к отдельным актерским порокам, то выращенный и воспитанный им творческий ансамбль в целом был ему дорог от мала до велика. «Нужно дорожить каждым актером, какое бы скромное положение он ни занимал, — говорил Станиславский. — Он выращен в стенах театра, он пропитан его духом».

Созданный Константином Сергеевичем творческая атмосфера в театре, весь характер и режим работы, взаимные отношения между людьми сделали Художественный театр достопримечательностью всего театрального мира. Вступление в прославленный мхатовский коллектив нового актера было всегда событием и являлось для поступающего не только переходом из одного театра в другой, но вступлением в новую жизнь.

ВСЕ это было создано могучим гением Станиславского, у которого талант артиста соединялся с трудом, упорством и волей воспитателя.

В. ТОПОРКОВ,
профессор, народный артист СССР.

ИСКАТЬ НОВОЕ

У ВСЕХ НАС, учеников Константина Сергеевича Станиславского, одно желание, чтобы советский театр был самым передовым театром мира.

В последние годы говорят о недостатках нашей драматургии, о том, что она еще не удовлетворяет полностью возросших требований, не отражает все многообразие советской действительности, героизм строителей коммунизма. Драматурги в долгу перед театром, зрителями. Но вина в этом не одних драматургов, а и нас — театральных деятелей. История любого театрального коллектива, как правило, связана с именем того или иного писателя. Вспомните хотя бы, что у Малого театра был Островский, у Художественного — Чехов и Горький. Нам самим следует растить и воспитывать будущих драматургов, работать с ними так, как умел это делать Константин Сергеевич...

Работать «по Станиславскому» — значит постоянно двигаться вперед, искать новое в раскрытии психологии человека, его темперамента, взглядов на жизнь.

М. ЯНШИН,
народный артист СССР,
главный режиссер Драматического театра имени К. С. Станиславского.

Великий мятетжнник

В ЭТОЙ удивительно меткой и лаконичной характеристике Горького весь Станиславский, этот «талантливый человечик», с пылающим сердцем, «огнем коего нельзя было не любоваться», этот «красавец-человек», так много сделавший для счастья нашего народа, для роста его духовной красоты и силы.

К. С. Станиславский — великий реформатор театра, непревзойденный режиссер, замечательный артист, тонкий художник — исследователь и экспериментатор, мыслитель и общественный деятель. Он — один из основателей Московского Художественного театра, снискавшего мировую славу и ставшего гордостью нашей отечественной культуры.

Но не только этим известен и славен Константин Сергеевич. Он и выдающийся педагог, воспитатель. Горький подчеркивал в свое время, что благодарность народа и страны Станиславский заслуживает прежде всего за свою «труднейшую работу педагога и воспитателя». «Какой вы чуткий и великий мастер в деле открытия талантов, — писал Алексей Максимович, — какой искуснейший ювелир в деле воспитания и обработки их!».

Многие работники искусства глубоко заблуждаются, когда высказывают мысль о том, что Константин Сергеевич, как педагог, принадлежит только искусству, точнее, театру. Нет! Педагогические идеи К. С. Станиславского, его взгляды на воспитание выходят далеко за пределы так называемой театральной педагогики.

Станиславский любил жизнь, людей, верил в светлый разум человека, в его большое сердце, в его высокое призвание и назначение. Он всегда восторгался результатами труда человеческого. Основную цель воспитания он видел в формировании человека, стремящегося к возвышенному и благородному, гражданина, любящего свою Родину и отдающего ей свои силы, борющегося с невежеством, пороками, рутинной косностью и низменными страстями, общественного деятеля, активно участвующего в жизни страны. Станиславский считал, что каждый человек — это индивидуальная неповторимость. Любовь к человеку, веру в его силы, его знания он воспитывал у своих

учеников. Людей без прекрасного, по словам Константина Сергеевича, нет, его надо только ощутить и понять. Надо уметь находить и улавливать в человеке хорошее, светлое, положительное, новое, то есть находить в нем какую-то ценность. Чем духовно богаче, чище и талантливее человек, тем больше прекрасного и положительно-го находится он в других. Чем ниже чувства и мысли человека, тем больше он видит вокруг себя плохого, потому что до хорошего надо подыматься, а плохое — вниз, его увидеть и достать можно без всяких усилий.

В глубине души человек всегда тянется к светлему и хорошему, но не всегда ему удается этого достичь из-за встречающихся на пути помех и преград. Человек стремится к хорошему потому, что оно приносит ему удовлетворение и радость. Жизнь человека, умеющего найти в другом прекрасное, всегда будет более содержательной, богатой и яркой. Вот почему молодежи надо направлять все свои усилия на глубину и чистоту своих мыслей, поступков и поведения.

В СВОИХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ и беседах с учениками Константин Сергеевич уделял много внимания нравственному воспитанию. Его особенно волновало воспитание коллективизма и дисциплины. Он неустанно подчеркивал, что воспитание коллектива — дело важное и сложное. Это нужно не только

осознать, но и почувствовать. В коллективе все зависит друг от друга, и каждый обязан оценивать свои поступки с точки зрения пользы общему делу. В сплоченном коллективе один отвечает за всех, а все за одного. Кто изменяет общему делу, тот становится предателем. Напоминая своим ученикам, что надо побольше думать о других и поменьше о себе, Станиславский спрашивает: кто более свободен — тот ли, кто ограждает только свою независимость, или тот, кто, забыв о себе, заботится о свободе других? Если все будут заботиться обо всех, то в конечном счете все человечество явится защитником и моей личной свободы. Коллектив не может сплотиться,

держаться и крепнуть только на основе личной взаимной любви и симпатии всех членов, так как чувство симпатии неустойчиво и изменчиво. Чтобы спаять людей, нужны более ясные и прочные основы: высокие идеи, самоотверженный труд, общественность и политика.

Спаянный, молодой, энергичный, жизнеспособный, хорошо организованный коллектив принесет общему делу большую пользу. Неверно напавшая энергия, чем она моложе и сильнее, тем вреднее и опаснее для дела. Сплоченный и целеустремленный коллектив всегда живет содержательной, интересной жизнью. Каждый желающий жить должен быть в наш век до некоторой степени героем. «Если вы герои крепкие, твердые, спаянные в своем коллективе, — спите спокойно, потому что вы жизнеспособны, поборете все препятствия и уцелеете». Если четлен разбивается о первую волну, а не пробивает ее, чтобы идти вперед, он не годен для плавания.

Константин Сергеевич пластовично внушал своим ученикам мысль о важности воспитания в коллективе подлинного товарищества, чуткого, бережного и внимательного отношения друг к другу, умения прислушиваться к голосу критики, своевременно исправлять допущенные ошибки, умения смело критиковать самого себя, честно оценивать и критиковать работу своих товарищей, помогать им освободиться от груза недостатков и дурных привычек. Ради укрепления взаимной товарищеской связи стоит жертвовать самолюбием, капризом, вздорным характером, избалованностью, упрямством, мешанинами привычками, распущенностью, кумовством и всем другим, «что клином врезается в коллективный ум, волю и чувство людей и по частям расщепляет, деморализует и убивает целое...».

Константин Сергеевич всегда проявлял большую заботу о создании и сохранении в коллективе чистей, не отравленной никакими низменными страстями и корыстными целями, никакими интригами атмосферы. Нести в коллектив

надо самые светлые и чистые мысли и чувства, отдавать ему самое дорогое и заветное, оставляя за его порогом все, что, подобно ржавчине, разъедает коллектив: эгоизм, недоброжелательность, лицемерие, месть, ложь, зависть, самомнение, истеричность. Всякая злонамеренная ошибка, всякая недоброе слово и сиплетня, пущенные в коллектив, отравляют всех, в том числе и того, кто пустил эту отраву. Всякую обиду мелко-ро самолюбия, зависти, недоброжелательства надо мужественно уметь побороть в себе самом, а не выбрасывать из себя в коллектив.

Константин Сергеевич ратовал за внутреннюю, сознательную дисциплину, возникающую из уважения к своему делу, за дисциплину строгую, твердую, железную. Он выступал против внешней, формальной дисциплины, против «образцового» порядка, которых добиваются суровыми вызыпаниями, приказами, постановлениями. Создать настоящую дисциплину и укрепить ее нельзя одним росчерком пера ретивого администратора, строгими распоряжениями и циркулярами. Подходить к этому следует с другого конца. Все то, что требуется для установления порядка и дисциплины, надо пропускать прежде всего через себя и начинать с самого себя, воздействовать и убеждать других собственным примером. Тогда никто не сможет сказать вам: «Врачу, исцелися сам».

У КОНСТАНТИНА СЕРГЕЕВИЧА Станиславского надо учиться и эстетическому воспитанию средствами искусства. Он страстно боролся за реалистическое искусство, тесно связанное с жизнью народа, понятное и близкое ему, высокую идейность искусства, призванного учить, воспитывать, духовно обогащать советских людей, настоящую и большую жизненную правду, простоту, искренность, естественность, за искусство больших человеческих чувств и глубоких переживаний, за высокое художественное мастерство.

Станиславский гневно возмущался против формалистических выкрутасов, ложного новаторства, назойливого ори-

гинальничанья, против всякой лжи, фальши, дилетантизма, хухульничанья, ремесленничества, равнодушия, против пошлости, косности, рутинности и штампа.

В основе искусства, говорит Константин Сергеевич, лежит труд. Умение трудиться, работать — это ведь тоже талант, и громадный талант! — восклицает он. Искусство требует знаний, овладения техникой.

Он воспитывал ответственное, серьезное, трепетное отношение к искусству. Учил быть предельно требовательным к себе. Учил любить искусство в себе, а не себя в искусстве. Как верно и метко сказано! Какая глубокая мысль!

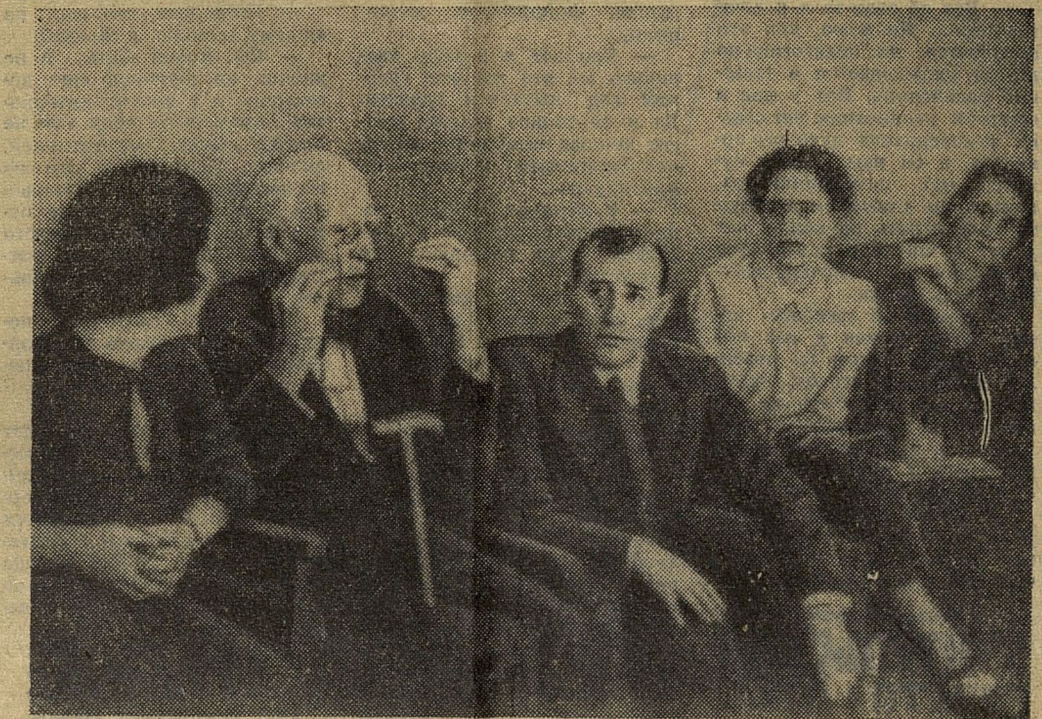
Он предъявлял строгие требования не только к артистам, режиссерам, художникам, композиторам, но и ко всем работникам театра. Кто не помнит крылатой фразы: «Театр начинается с вешалки! Он требовал культуры поведения и от зрителя, образцового порядка, организованности в зрительном зале.

Изучение эстетического наследия Станиславского помогает учителям, преподавателям педагогических учебных заведений более глубоко разбираться в искусстве. Умное преломление идей Станиславского через призму особенностей школы, ее задач и закономерностей физического и психического развития детей будет способствовать воспитанию у молодежи трепетного отношения к искусству, стремления выражать его средствами больше идей, глубинные мысли и благородные чувства. Его наследие научит как огня бояться самопоказывания, самолюбования и позирования, воспитает художественный вкус, вооружит молодежь эстетическими критериями, дающими возможность отличить прекрасное от безобразного и уродливого.

МНОГО СИЛ И ВНИМАНИЯ ОТДАЛ К. С. Станиславский вопросам культуры речи. Он негодовал, когда слышал уродливую и безграмотную речь. «Какая некультурность в области одного из самых культурных искусств», — говорил Константин Сергеевич, адресуя эти горькие слова и тем, кто

привык беззаботно относиться к овладению культурой речи. Надо уметь правильно произносить звуки, слова, фразы. Все это должно войти в привычку. Речь должна становиться орудием действия. Нельзя произносить слова формально, механически, надо научиться действовать словом. «Слово и речь... должны действовать, то есть заставлять другого понимать, видеть и мыслить так же, как и говорящий». Надо овладеть законами речи. Станиславский раскрывает эти законы, говорит о недостатках речи, о путях и средствах борьбы за подлинно культурную речь.

В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ К. С. Станиславского значительное место занимают общие принципы и методы воспитания, требования, предъявляемые к воспитателю. Подлинным воспитателем, по его утверждению, может стать только тот, кто пользуется у воспитанников непререкаемым авторитетом, кто осознает высокую ответственность своей миссии, любит учеников, чувствует себя счастливым и удовлетво-

К. С. Станиславский на занятиях в Оперно-драматической студии.